

Сергей Терентьевич Семенов
Сумерки

Date: 21 августа 2009

Изд: Семенов С. Т. "Рассказы". М., "Художественная литература", 1970

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

СУМЕРКИ

I

Доехав с бороной до конца десятины, Конон натянул вожжи и устало, еле открывая рот, крикнул, обращаясь к лошади:

-- Тпрру, стой, -- довольно.

Лошадь послушно остановилась. Конон оглянулся назад. Вся десятина была ровно заскоржена, челыжни исчезли, только торчали кое-где небольшие комки, но без этого нельзя. Он бороновал в одну лошадь, а лошадь его старая, шибко ходить не могла, а на тихом ходу никогда не вспушишь пашню как следует. Оглядев десятину, Конон перевел глаза, где садилось солнце. Солнце красное, как нагретый в горне лемех, уходило в землю. Видна была только одна его половина. Конон опять оглядел пашню. Сказал сам себе "сойдет" и, бросив вожжи на бороны, подошел к морде лошади. Лошадь лохматая, еще не вылинявшая, стояла, понунив голову, тяжело дыша; у ней ходили бока и тряслись мышки; под хомутом у ней было мокро от пота. Она тоскливо поглядела на хозяина и вздохнула.

-- Ну, будет, кончать пора, -- как будто в утешение ей, сказал Конон и, отвязав вожжи, стал отхлестывать гужи. Сбросивши гужи назад, он медленно рассупонил хомут; лошадь относилась к этому настолько безучастно, что Конону показалось обидно.

-- Отработались, шваль мочальная, или не чувствуешь? -- с упреком сказал он. -- Сейчас домой поедем. -- Лошади, очевидно, было все равно. Конон потянул ее к стоявшей поодаль телеге и стал надевать другой хомут; потом ввел в оглобли и поднял дугу. Его обижало, что лошадь глядит такой несчастной. Ведь у всех теперь не сладость, все работают, -- на то весна. Если весной да не работать -- придется без хлеба сидеть. Весна год кормит. Правда, другие балуют лошадей, дают овса, но то ведь богатые; то и себя получше наблюдают, а у них всем одинаково, что себе, что скотине.

Он поднял бороны, положил ее на телегу, кинул наверх бороновальный хомут и гужи. Когда все было кончено, он еще раз поглядел на десятину. И на этот раз десятина показалась ему хорошо заделанной.

-- Ну, народи бог, -- сказал он и, снявши шапку, перекрестился. -- Было бы чем за ренду заплатить и себя за работу наградить, на птичку, на синичку и нищую братию.

Потом он покосился на виднеющуюся у леса господскую усадьбу, где он снимал эту землю, вспомнил отводившего ему землю приказчика и живших там господ, вздохнул, надел шапку и кряхтя полез на телегу.

На телеге он долго приспособливался, как лучше сесть. У него ломило ноги и болела поясница. Хотелось сесть половчей, чтобы больные места этого не чувствовали. Кое-как Конон примостился на корточки и, чмокнув губами, дернул вожжами.

-- Но-о, милая.

Лошадь вытянула шею и, покачнувшись, тронула вперед. Телега, поскрипывая, стала подпрыгивать по неровной земле, пока они не выехали на дорогу. На дороге телега пошла ровней, но лошадь не прибавляла ходу. Конон хотел было хлестнуть ее кнутом, но раздумал.

II

Солнце скрылось уже совсем, оставив на небе густо-румяный щит зари. Кругом ложились мягкие тени и сглаживали ясность очертаний. Лес, росший направо, затуманился; закурился серым дымом выходящий из него овражек; крепчала прохлада в воздухе, легче становилось дышать. Совсем бы было